

Н. В. ЛЕБЕДЕВА

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИНТАГМАТИКИ
ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

«Всякий литературный памятник, представляющий собой организацию словесного материала, подлежит ведению лингвиста», — писал еще в 1923 г. В. В. Виноградов¹, защищая права лингвистов изучать художественную речь. «Ведение лингвиста» необходимо предполагает изучение принципов и способов распределения языковых элементов в их последовательности, системе и на каком-то определенном уровне, причем, как известно, одно и то же явление может принадлежать нескольким уровням и по своим качествам входить составной частью в несколько систем: уточнение этого зависит от целей собственно лингвистического анализа. Одним из необходимых условий в процессе описания и классификации лингвистических единиц следует также признать не только отнесенность языкового факта к определенной системе или подсистеме языка, но и его реализацию в речевой форме, т. е. признать соотнесение системного явления с функционально-речевым, а также определение возможных вариантов, образующихся в результате интерференции этих двух уровней, — общенациональной системы языка и функционально-речевых признаков.

В то время как целый ряд общесистемных категорий может иметь определенные соответствия в разных языках, при синтагматическом членении речи можно говорить о модификациях, специфичных для того или иного языка, т. е. конкретно анализировать особенности синтагматического строения русского, английского, французского языка и т. п. Интересно также определить и признаки синтагмы того или иного функционально-речевого стиля. В этом плане синтагма стихотворной формы может оказаться необычайно емким и подвижным в своей выразительности сегментом речевой коммуникации.

Свои особенности имеет, конечно, и строй английского стиха, материалом которого иллюстрируется данная статья.

При всех возможных модификациях своей внешней, стихорядной композиции поэтическая речь остается верна одному условию, которое, собственно, и создает любое стиховое произведение: независимо от жанра, формы или стихового размера, композиционно-структурной основой стихотворной речи при всех условиях остается строка (стихоряд). В нее вкладывается смысловое содержание именно тех речевых единиц, которые в этот стихоряд вписываются; их оформлению подчиняется синтаксис данной строки (нередко в «нарушение» действующих норм речи прозаической); и, независимо от частных интонационных отрезков в ее пределах, строка в целом является основной ритмико-интонационной группой стихотворения.

«Членение речи на стихоряды, при отсутствии всех других признаков стиха, является минимальным условием существования стиха как особой

¹ В. В. Виноградов, О задачах стилистики, «Русская речь», Пг., 1923, стр. 195.

формы речи»², — справедливо пишет, например, М. Г. Тарлинская, хотя дальше это положение раскрывается, как нам кажется, не вполне исчерпывающе: «Сами стихоряды, структурно равнозначные и взаимозаменяемые, своим чередованием создают впечатление организованного повтора, впечатление ритмичности и стихотворной речи». Дело в том, что любые стиховые ряды действительно всегда создают впечатление организованной речи, но не всегда они могут быть «структурно равнозначными и взаимозаменяемыми». Таковыми могут быть строки стихотворения «классического» строя, как, например:

She was a Phantom of delight
 When first she gleamed upon my sight;
 A lovely Apparition, sent
 To be a moment's ornament.
 (W. Wordsworth, She was a phantom)

-- но не современного «свободного стиха»

And the traffic was legs,
 Legs from the knees down,
 Coming and going,
 Never pausing.
 (R. Graves, The Legs)

Вывод более широкого плана возникает при обобщении явлений не отдельно выбранной ритмической стиховой системы (как это часто делается), а стихотворной речи данного языка во всем ее единстве, в ее структурно-семиотической противопоставленности речи прозаической. И синтагма как синтаксически организующая единица речи может служить здесь критерием.

Таким образом, поэтическая строка — это в пределах данного стихотворения самостоятельная группа слов, компоненты которой объединены в целях образной экспрессивности согласно поэтическим замыслам автора, это — словосочетание, которое, независимо от метрической формы или жанра стиха, может быть определено только в пределах семиотики поэтической речи.

Словосочетания и их интерпретация могут быть разного характера. Они могут строиться на связях лексического значения, обусловленных морфологическими признаками компонентов — тогда это свободное словосочетание; на связях синтаксического распределения единиц в потоке речи — тогда это так называемые члены предложения; на связях идиоматического характера — тогда это явления, относящиеся к сфере фразеологии. В аналитическом языке может быть также понятие аналитической группы слов, образующих единую аналитическую форму — компоненты такой группы функционально неразложимы. Словосочетание в любом из этих пониманий складывается на основе семантики значимых единиц, на грамматических связях, осуществляемых с помощью морфологических или структурных элементов, и не опирается на интонацию. Расположение его компонентов обуславливается синтаксическими нормами данного языка и не отражается на общем значении словосочетания как такового; и изучение их проводится на различных уровнях. Однако несмотря на то, что словосочетание и синтагма — единицы различных уровней, непосредственно в потоке речи понятие синтагмы, — также объединяющей опре-

² М. Г. Т а р л и н с к а я, Некоторые особенности английской стихотворной речи. Канд. диссерт., М., 1966, стр. 15.

деленную группу слов,— в какой-то степени пересекается с понятием словосочетания³.

В связи с вопросом о синтагме как сочетании определенной группы слов большой интерес представляет статья Б. Н. Головина «К вопросу о парадигматике и синтагматике на уровнях морфологии и синтаксиса», где автор пишет: «Привыкнув к тому, что морфология „парадигматична“, а синтаксис „синтагматичен“, мы должны теперь приучить себя к тому, что морфология „синтагматична“, а синтаксис „парадигматичен“»⁴. Исходя из определения морфологической синтагмы, следует сказать, что само понятие «синтагмы» преломляется здесь особым образом: существуя теоретически как стабильная группа, производная от ее морфолого-лексических признаков, морфологическая синтагма непосредственно в речи не представляет собой во всех случаях непрерывный ряд, члены которого расположены контактно,— что является привычным критерием синтактико-синтагматического понятия в целом. Морфологическая синтагма ограничена по своему составу: ее компоненты предопределены семантикой определяющего слова и его структурно-морфологическими признаками (например: глагол + зависимое от него дополнение; существительное и согласованное с ним определение и т. д.). Она не возникает неожиданно, всякий раз как новая, в зависимости от данного контекста. Она может быть ассоциативно воссоздана как категория, производная от лексико-морфологических признаков ее компонентов. Синтаксическая синтагма, напротив, строится непосредственно в процессе речи, не имеет структурно-компонентных ограничений и практически может иметь в своем составе любые языковые единицы. Целесообразность последних подсказывается типом речевой коммуникации, логико-предметными заданиями и функционально-стилистическими признаками. Части морфологической синтагмы подвижны, нестабильны. Так, если в тексте *He went to London. [His manager went with him.]* морфологическая синтагма глагола *to go* имеет своим распространением предложные обороты (обстоятельство места или предложное дополнение), следующие непосредственно за глаголом и входящие, соответственно, в одну синтаксическую синтагму, то в стилистически измененном варианте *He went to London. With him went his manager.* («Morning Star») во втором предложении при сохранившейся морфологической синтагме (глагол + предложное дополнение) синтаксическая синтагматика изменилась: более естественный вариант здесь — две синтагмы: *With him/went his manager.* (с ударением на предлоге). Нарушение линейности морфологической синтагматики воспринимается, таким образом, как изобразительный прием, логично объяснимый в пределах данного контекста. В приведенном случае: отделенный от глагола и вынесенный на первое место предложный оборот, нарушив структурное (но не смысловое) единство морфологической синтагмы, образовал самостоятельную синтаксическую синтагму и усилил план выражения всей синтаксической структуры.

Как следствие этого положения, встает также и вопрос о соотношении, характере и взаимораспределении обоих видов синтагм в поэтической речи: являясь строчно-интонационным синтаксическим единством, строка как синтагма особого типа свободно «разрушает» морфологические синтаг-

³ Это, например, дало повод А. Н. Гвоздеву в работе «Современный русский литературный язык», II, М., 1968, сделать утверждение: «Не связанные в словосочетания слова не могут входить в одну синтагму» (стр. 40), — основанное, очевидно, на совершенно недифференцированном подходе к типам словосочетаний. Вопрос же в том, какие именно связи в пределах словосочетания имеет в виду автор.

⁴ Сб. «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействия», М., 1969, стр. 77.

мы, если причиной этого является поэтическая образность и экспрессивность. При этом канонизированные структурные признаки аналитического языка не только не сохраняются, но часто служат поводом к образованию новых, изобразительных приемов стиховой строки. Например: может быть разделение компонентов морфологической синтагмы группами слов, и даже целыми строками, которые сами по себе тоже есть синтагмы:

Now that I have your voice by heart, I *read*
 In the black chords upon a dulling page
Music that is not meant for music's cage.
 (L. Bogan, Song for the last act).
 Beautiful creature, I *have been*
 Moments uncounted *watching* thee,
 (Barton, The butterfly)

Независимо от дистантного размещения выделенных слов, они представляют модель образуемой ими морфологической синтагмы. Одновременно они входят в соответствующую группу слов — строчную синтагму, — которая, разъединив непосредственно представленные в тексте морфологические связи, соединила их в другие группы в виде стилистико-синтаксических рядов с целью создания поэтических образов и самостоятельных, новых художественно-поэтических синтагм.

«Разрушение» строя морфологической синтагмы может происходить и в случае их близкого соположения. В частности, именно на этом построен широко распространенный прием *enjambement*, заключающийся в строчном переносе непосредственно следующих друг за другом морфологически взаимосвязанных слов, каждое из которых является компонентом самостоятельного синтактико-синтагматического словосочетания в данном речевом контексте:

Tonight in million-voiced London I
 Was lonely as the million-pointed sky
 Until your single voice. Ah! so the *sun!*
Peoples all heaven, although he be but one.
 [H. Belloc, The telephone (Epigram)]

Суть стилистико-синтаксического приема здесь — разъединение предикативного словосочетания. При этом, — так как нет непосредственного их соположения в речевой синтаксической синтагме, — во втором случае (конверсия существительного в глагол) о предикативности можно говорить, лишь исходя из принципов морфологической синтагматики этих слов, т. е. сочетании имени с глаголом, обозначающих деятеля и действие. Нам представляется, что внутреннее содержание *enjambement* отнюдь не сводится к тому, чтобы разные строки «притягивались» друг к другу (как это обычно утверждается). Наоборот, именно это строчное разделение морфологически и синтаксически объединенных слов подчеркивает отнесенность каждого из элементов к отдельной синтактико-интонационной группе, стихоряду, — той единице поэтической речи, которую мы называем поэтической синтагмой. Что касается языковых явлений собственно синтактико-поэтического уровня, то здесь происходит совмещение морфологической и синтаксической синтагматики с принципом строчного деления стихотворной речи: синтаксическая синтагматика создает изобразительные единицы при вариантах своего линейного построения; морфологическая синтагматика проявляет тенденцию к экспрессивности тогда, когда есть возможность варьировать местоположение ее компонентов

путем перераспределения их в составе различных синтаксических синтагм. Образующаяся при этом новая синтагма представляет собой один из стилистико-синтаксических приемов поэтической речи. Так создается строчная синтагма.

Ни в прозе, ни в поэзии синтагма не имеет формальных языковых признаков (за исключением пунктуационных знаков, обозначающих границы синтаксических отрезков высказывания, которые отнюдь не всегда совпадают с собственно синтагматическим членением, причем это — преимущественно в прозаической речи). Она — производная категория данного контекста, ее компоненты объединены смыслом, структурой и интонацией только данного речевого отрезка, и поэтому, естественно, нормы синтагматические не могут превышать возможностей человеческого голосового диапазона. Интонационный диапазон поэтической речи — это прежде всего стихотворная строка (независимо от того, какие грамматические отрезки речи, — крупные или мелкие, — она включает) и только потом — синтаксические единицы, как, например, предложение, начало или окончание которого отмечается соответствующей интонацией, или другие, более мелкие, вторичные (потенциальные) синтагмы внутри строки, также выделяемые с помощью соответствующих ударений и пауз.

Знаменательным приемом, повышающим значением каждой отдельной поэтической строки и в какой-то степени подчеркивающим самостоятельность поэтического синтаксиса, может служить та часть современной поэзии, где авторы вообще не пользуются (или пользуются минимально) знаками препинания:

Never until the mankind making
Bird, beast and flower
Feathering and all humbling darkness
Tells with silence the last light breaking
And the still hour
Is come of the sea tumbling in harness
(D. Thomas, A refusal to mourn the death...)

Строчное распределение материала художественного произведения при отсутствии знаков препинания показывает, что знаки могут быть вообще не нужны, если есть графическое деление текста на строчно-речевые синтагмы, и, наоборот, любая форма пунктуации письменного текста чрезвычайно важна для его правильного осмысления.

Так, в поэтической речи, наряду с процессом сочетания слов, базирующимся, как и в прозе, на смысловом и грамматическом соотношении зависимых друг от друга единиц, процессом, в результате которого создается линейная синтагма в пределах отдельной строки, представляется возможным назвать и выделить категорию строчной синтагмы в пределах данного стихотворения — самостоятельную семантическую и структурно-интонационную единицу, которая включает признаки собственно художественно-поэтического синтаксиса.

Таким образом, можно говорить не просто о синтагме вообще и о неких ее общих признаках, нашедших свое выражение в поэтической речи, но о поэтической синтагме как таковой, и не только о специфических приемах словосочетаемости, но и об особом синтактико-синтагматическом членении стихотворного произведения.

Как известно, огромное количество работ посвящается «твердому» («строгому») порядку слов английского языка как языка аналитического типа и меньшее число — его «отклонениям», «нарушениям» и т. п. Что касается поэтической речи, то она, вероятно, более всего дает пищу для

таких размышлений. Однако может ли системно-структурное образование, каким является современный живой язык, содержать столько «отклонений» и «нарушений»? Очевидно, на уровне системы самого языка никаких вариантов, а тем более «нарушений», быть не может. И явления, которые мы непосредственно изучаем, — это результат процессов, происходящих в живой речи. В этом плане стихотворная речь английского языка демонстрирует интересные факты экспрессивно-образительного употребления как морфологических, так и синтаксических категорий, сочетание и распределение которых в стихе определяется законами речевой синтагматики с ее собственными логическими и образными единицами и отвлечениями. Сложность и многогранность очень многих языковых явлений, — а к таковым, без сомнения, относится вопрос о словосочетаемости, — позволяет рассматривать их с точки зрения различных лингвистических аспектов и раскрывать новые качества речевой деятельности человека.

В свое время Б. А. Томашевский справедливо заметил: «Как бы ни был специфичен и своеобразен строй стиха, этот строй принадлежит языку и неповторим за пределами национальных форм речи»⁵. И если в структурной основе образно-поэтической речи как таковой тем не менее лежат реальные фактические признаки данного языка, то и синтагма в английском языке может быть охарактеризована как самостоятельная художественно-стилистическая категория. В каждом языке существует возможность непосредственного выделения речевых единиц, образующихся в дополнение к структурно-синтаксическому членению речи и соотносимых с ним.

Синтагматика служит структурным показателем смыслового членения речи, но может быть и весьма действенным признаком художественного произведения, в особенности, если это касается двух различных форм речи (в частности, речи прозаической и поэтической), которые, хотя и используют одну и ту же общую языковую систему, тем не менее характеризуются различными функционально-стилевыми качествами.

Строчная синтагма как мера художественно-экспрессивных признаков поэтической речи имеет следующие особенности: с точки зрения целостности поэтической структуры всего произведения — это наименьшее речевое единство; она имеет строчно-завершающую интонацию с основным ударением на последнем слове строки и второстепенным (если в этом есть звуковая необходимость) — в середине строки; в строчной синтагме используются потенциальные возможности синтагматического уровня (как морфологического, так и синтаксического) в стилистико-экспрессивных целях при подчинении морфологической синтагматики строчно-интонационному линейно-синтагматическому членению текста стихотворения, представляющего собой самостоятельный микросинтаксис.

Лишь стихотворная речь имеет столь отчетливое деление на композиционные интонационно-смысловые отрезки, и только в поэзии мы находим такую композиционную единицу, которая сигнализирует в первую очередь именно речевые (для поэзии как самостоятельной формы речи — декламационные), а не формально-грамматические отрезки речи. Вместе с тем эта единица является и грамматической категорией, но категорией лингво-поэтического синтаксиса.

⁵ Б. В. Томашевский, Стих и язык, Л., 1959, стр. 68.